

КЛАССИК АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

Юрий
Лорес

40 лет пути

21 октября в 19:00
в Lindenwood Manor
475 Lindenwood Drive East

Цена билета -\$ 20.
Справки по телефону 452-3159 (Лена)
или 269-4761 (Лёша)
www.russianwinnipeg.net

Шуламифь

- А живу я, огромную цену за жизнь заломив,
и всегда не доволен собою.
Потому я оставлю тебя, Шуламифь,
чтоб почувствовать власть над судьбою.
Я как будто бы царь в этой древней стране,
слишком щедро я Богом одарен:
полземли повелителя ищет во мне,
чтобы вдоволь настроил пекарен.
Погляди, как для Храма везут доломит
и в бессмертный народ превращается племя...
Потому я оставлю тебя, Шуламифь,
что с тобой я не слышу как движется время.
Да, конечно, я знаю, что будет польнь
пробиваться сквозь стены, которые рухнут.
Зов горячего ветра синайских пустынь
будут переводить как томление духа.
Но не всякая жизнь сквозь шуршанье олив
в изначальное Слово влетается слогом.
Потому я оставлю тебя, Шуламифь,
чтобы вынести все, что даровано Богом.
И страна превращается в пепел и хлам,
если сеятель думает только о хлебе.
Но десницей моей воздвигаемый Храм
троекратно сожжен отражается в небе.
И безвестный пророк - сочинитель молитв
все от ветра берет и бросает на ветер.
Потому я оставлю тебя, Шуламифь,
что увидел в любви воплощение смерти...

Фантазия с падающей вилкой

Вот вилка падает, мол, женщина придет.
Я улыбаюсь от того, что не поверил.
В природе должен наступить переворот,
чтоб эта женщина коснулась этой двери,
рукой дрожащей дотянулась до звонка
и не нажала, а ударила два раза,
сразила взглядом, будто холодом клинка,
а следом бросила бессмысленную фразу.
Потом с намереньем пройти меня насквозь
проникла в комнату и, примостившись в
кресле,
заговорила так, как будто ей пришлось
вчера родиться или только что воскреснуть.
И, оглядев мое жилище с высоты,
увы, никак не меньше птичьего полета,
ей до меня так захотелось снизойти
богиней, сосланной с Олимпа на болото.
Но вдруг заплакала и сделалась смешной,
такой беспомощной, влюбленной и любимой.
Жизнь - как прыжок из поднебесья затяжной:
или в объятия друг другу или мимо.
И мы в прыжке уже не чувствовали тел,
а прижимались все тесней к душе душою,
но я боялся, потому что не хотел
впервые в жизни ощутить ее чужою.
И шел на кухню, размышляя о своем,
и на двоих готовил крепкий черный кофе,
потом курил в окно и сквозь дверной проем
едва косился на ее античный профиль...
Но вилка падает, а не наоборот -
я нагибаюсь к ней и сам себя ругаю,
и улыбаюсь: разве женщина придет?
А если даже и придет - увы, другая.

Урок истории

Счастье - не счастье, а горе - не горе нам.
Ждем - не дождемся иной полосы,
тихо сидим на уроке истории
и поминутно глядим на часы.
Все непременно и все перемененно,
все совершится в положенный срок.
Ждем перемены, мы ждем перемены -
надо когда-нибудь кончить урок.
Знания наши нам дорого стоили:
поочередно мы держим ответ.
Трудно сидеть на уроке истории -
сорок минут, как четырьеста лет.
Знаем, что вызовут нас непременно,
строг наш учитель, как водится, строг.
Ждем перемены, мы ждем перемены,
только надежда у нас - на звонок.
Мы глубоко уважаем теории
и отличаем от этой не ту.
Но почему-то уроки истории
невмоготу нам, ну, невмоготу.
Здесь нам положено быть откровенными,
каждую лекцию знать на зубок,
ждем перемены, мы ждем перемены.
Что ж не звенишь ты, спаситель-звонок!
Зря мы, наверно, с учителем спорили -
наше грядущее на волоске.
Следует знать: на уроке истории
нас за провинности ставят к доске.
Классы другие придут нам на смену -
все совершится в положенный срок.
Ждем перемены, мы ждем перемены,
это еще не последний урок.